

пой существительного, на наш взгляд, чрезвычайно велико. Они организованы отнюдь не аналогично. Группа существительного характеризуется чрезвычайной закрепленностью своих членов, группа глагола-сказуемого характеризуется значительно большей подвижностью (возможность перемещения обстоятельств и даже дополнений вокруг каркаса предложения — предикативной связи). Существует и интересное формальное расслоение между членами этих групп. Притяжательный падеж специализирован в английском языке на группе существительного, наречие *-ly* (за исключением форм, семантически отдифференцировавшихся от однокорневых бессуффиксальных прилагательных) в основном закреплено за группой глагола. Как и в других германских языках, но в несколько специфических формах, четкое размежевание этих групп в английском языке очень важно для общей структурной организации предложения и для его членения¹.

Этим мы отнюдь не хотим сказать, что вообще нельзя ставить вопрос о безразличии второстепенных членов предложения к тем частям речи, от которых они оказываются в непосредственной зависимости в конкретном строе предложения. Есть языки, для которых такое положение будет в большей или меньшей степени справедливо. В известной мере это касается, например, русского языка, что и нашло свое выражение в тех концепциях, которые усматривают в русском языке наличие дополнения и в группе существительного — в частности, в концепции А. А. Шахматова, традиции которого в данном вопросе во многом воспринял А. И. Смирницкий. Но для английского языка с его четким структурным размежеванием группы существительного и группы глагола-сказуемого такая трактовка невозможна.

Наиболее уязвимым местом в общих положениях «Синтаксиса английского языка» А. И. Смирницкого и является, на наш взгляд, недоучет конкретных закономерностей английского языкового строя как целостной системы. За исключением ссылок на значительное ослабление флексии и на большую роль порядка слов как средства связи (стр. 58, 140, 207 и др.), в книге, по сути дела, никак не выясняются и не учитываются общие структурные черты, регулирующие организацию и членение предложения в английском языке. А между тем такие из них, как «каркасная» роль предикативного сочетания и своеобразное расслоение синтаксических групп, имеют здесь огромное значение. Поэтому, несмотря на всю свою логическую стройность, несмотря на множество отдельных интересных и тонких замечаний, несмотря на ряд сопоставлений с русским языком, книга не дает все же конкретного и цельного представления о синтаксической структуре английского предложения в ее своеобразии и вообще не содержит ясной концепции синтаксического строя английского языка. Системность курса А. И. Смирницкого проявилась скорее в плане создания цельной схемы основных категорий синтаксиса, реальная же картина английской синтаксической структуры дана в книге весьма дробно. Справедливо, однако, требует подчеркнуть, что подобная, а порой и значительно большая дробность в трактовке языковых фактов вообще характерна для огромного большинства зарубежных и советских работ по синтаксису английского языка.

В заключение нам остается горячо порекомендовать всем интересующимся проблемами грамматики ознакомиться с содержательной и своеобразной книгой А. И. Смирницкого.

В. Г. Адмони

R. Jakobson, G. Hüttl-Worth, I. F. Beebe. Paleosiberian peoples and languages. A bibliographical guide. — Hraf press, New Haven, 1957. Стр. VII+224. (Behavior science bibliographies).

Вопросы генетической общности и взаимодействия языков народов северо-востока Азии и Северной Америки, связанные с общей проблемой расселения и межплеменных отношений этих народов, представляют большой научный интерес. Поэтому издание библиографического указателя печатных и архивных источников по палеоазиатским (палеосибирским) народам и их языкам для исследователей в этой области является знаменательным событием.

«Палеоазиатами» (иначе «палеосибирцами»), как известно, с середины XIX в. в связи с гипотезой русского ученого Л. И. Шренка принято называть сибирские народности, которые не вошли в состав больших семей (монгольской, тунгусо-маньчжурской, угро-финской). Согласно гипотезе Л. И. Шренка, эти народности являются остатками древних обитателей Сибири, которые в связи с передвижением тюрко-монголов были частью ассимилированы, а частью вытеснены в Северную Америку и лишь в виде небольших групп сохранились на севере и северо-востоке Азии. В результате более углубленного изучения жизни, быта и языков палеоазиатских народов, начало кото-

¹ Ср.: В. Н. Я р д е в а, Основной характер словосочетания в английском языке, ИАН ОЛЯ, 1947, вып. 6; е е ж е, Слова-заместители в современном английском языке, «Уч. зап. ЛГУ», Серия филол. наук, вып. 14, 1949; В. Г. А д м о н и, Завершенность конструкции как явление синтаксической формы, ВЯ, 1958, № 1.

рому положили в конце XIX в. русские этнографы-языковеды (В. Г. Богораз, Л. Я. Штернберг, В. И. Нохельсон), внутри этого условного объединения были выявлены четыре родственные группы: чукотско-камчатская, эскимосско-алеутская, юкагирско-чуванская и кетско-асанская. Нивхи (гиляки), которых также относят к палеоазиатским народам, в этногенетическом и языковом отношении считаются изолированными.

В нашей стране и за рубежом имеется значительное количество публикаций, полностью или частично посвященных изучению народов и языков палеоазиатской группы. Кроме того, богатые материалы по этому вопросу хранятся в различных советских и зарубежных архивах. Однако в печати об указанных публикациях и архивных материалах до настоящего времени появлялись лишь разрозненные, далеко не полные сведения (обзоры трудов отдельных исследователей, отрывочные данные в библиографиях по другим вопросам и т. п.). Наиболее обширный библиографический обзор в этой области дал И. С. Вдовин¹, однако этот обзор охватывает лишь определенный период (конец XVII в. — начало XIX в.) и ограничен в основном русскими источниками, причем преимущественно языковедческого характера.

Рецензируемая работа является первым фундаментальным общим библиографическим указателем по палеоазиатоведению. В нем представлены источники начиная с самых ранних сведений о палеоазиатах (конец XVII в.) вплоть до наших дней (публикации 1957 г.).

«Указатель» состоит из предисловия (VII стр.), шести разделов (первый обозначен нулем, остальные порядковой нумерацией) и приложения. В первом разделе (section 0: «Библиографические обзоры исследований и источников», стр. 1—8) приведены ранее изданные обзоры литературы и архивов. Во втором разделе (section 1: «Работы, касающиеся нескольких или всех палеосибирских народов», стр. 9—71) указаны печатные работы и архивные материалы по палеоазиатским народам и языкам в целом или по их группам. В остальных четырех разделах, носящих соответствующие их тематические названия, приводятся источники по отдельным палеоазиатским народам и их языкам, а именно: в третьем разделе (section 2, стр. 72—100) — по нивхам (гилякам) и нивхскому (гилякскому) языку; в четвертом разделе (section 3, стр. 101—187) — по народам и языкам чукотско-камчатской группы (чукчи, коряки, ительмены); в пятом разделе (section 4, стр. 188—201) — по юкагирско-чуванской группе (юкагиры, чуванцы, омоки); в шестом разделе (section 5, стр. 202—217) — по кетско-асанской группе (кеты, котты, арияны, асаны). Приложение, носящее название «Краткий очерк палеосибирских народов и языков» (стр. 218—222), содержит краткие сведения о каждом из указанных народов (численность, территории расселения, хозяйственная и культурная деятельность), о его языке и письменности (если последняя имеется) — степень родства с другими языками, диалектный состав, год создания письменности и ее роль в жизни народа, роль русского языка в создании этой письменности.

Следует признать, что «Указатель» дает возможность впервые с такой полнотой представить историю изучения перечисленных народов и их языков. В нем дан обзор самых различных публикаций и архивных материалов по этим народам и языкам: от записей путешественников, миссионеров и торговцев до специальных монографических описаний, от газетных статей до научных исследований. Охват столь разнообразных источников оправдан недостаточной развитостью палеоазиатоведения, в связи с чем иногда очень ценные сведения можно обнаружить и в газетных статьях. Имеет определенное основание и то, что в одном указателе объединены источники по различным отраслям науки (этнография, языковедение и др.). В палеоазиатоведении эти отрасли настолько тесно связаны между собой, что источники по любой из них представляют определенный интерес для всех исследователей в данной области. Кроме того, некоторые источники, особенно более раннего периода, объединяют материалы по ряду различных отраслей науки. Правда, для удобства пользования «Указателем», может быть, лучше было бы сделать более детальную классификацию источников: выделить работы чисто лингвистические, этнографические и др.; отдельно дать беллетристику и газетные материалы. Но это потребовало бы дополнительной затраты времени и энергии. Между тем составители и так проделали огромную работу. Они выявили если не буквально все, то во всяком случае почти все, что в той или иной мере относится к палеоазиатоведению. Особенно ценным является включение в «Указатель» малоизвестных в прошлом японских работ о нивхах и нивхском языке. Однако достоинство «Указателя» заключается не только в полноте охвата источников, а также и в том, что в нем имеются аннотации, до предела краткие, но дающие достаточное представление об основном содержании каждого источника.

Очень жаль, что в «Указатель» не включены источники по эскимосско-алеутским народам и их языкам. Судя по вводной части приложения (стр. 218), составители «Указателя» считают их обособленными от остальных народов и языков палеоазиатской группы. Действительно, в отношении этногенеза и языка эскимосы и алеуты представляют собой самостоятельную единицу. Но, как указывалось выше, наименование «палеоазиатские народы» основывается лишь на гипотетическом представлении об этих народностях как древних обитателях Сибири, к их числу на том же основании можно относить также эскимосов и алеутов. Правда, некоторые исследователи высказывали

¹ См. И. С. Вдовин, История изучения палеоазиатских языков, М.—Л., 1954.

предположение о том, что народы восточной Сибири являются выходцами из Америки (Ф. Боас, В. Долл, А. Хеллуэл, В. Йохельсон)¹; на этом основании не только эскимосов и алеутов, но и некоторые другие народы северо-востока Азии (чукчей, коряков, ительменов, нивхов, юкагиров) предлагалось называть американоидными. Однако эта точка зрения не имеет под собой реальных оснований и потому не получила сколько-нибудь широкого распространения². Положение же о том, что родины этих народов является северо-восток Азии все более убедительно подтверждается исследованиями, проведенными в последние годы историками, этнографами, археологами и антропологами. В пользу этого положения свидетельствует также и сравнительный анализ языкового материала. Поэтому эскимосско-алеутские народы и их языки могут быть отнесены к палеоазиатским с таким же основанием, как и все остальные народы и языки, объединенные под этим условным названием³. Таким образом, употребление термина «палеоазиатские» (или «палеосибирские») в отношении народов и языков логически неизбежно предполагает включение туда и эскимосско-алеутской группы. Тот факт, что некоторые источники по этой группе все же включены в «Указатель» (№ 3: 324 и др.), свидетельствует, как нам кажется, о том, что и сами составители чувствовали искусственность изоляции эскимосско-алеутской группы.

Представляется также неоправданным в данном случае обычно практикуемое в зарубежных изданиях транскрибирование названий русских источников латинскими буквами (в рецензируемой работе применяется транскрипция Библиотеки Конгресса). По нашему мнению, это не дает положительного результата (не знаящим русского языка такое транскрибирование не окажет никакой помощи, между тем внешняя форма оригинала изменена). Составителям «Указателя» следовало бы также сделать более точные ссылки на печатные источники, из которых ими получены сведения об архивных материалах. Хочется надеяться, что при переиздании книги указанные недочеты будут устранены.

В заключение следует отметить совершенно правильное, по нашему убеждению, мнение составителей «Указателя» о предполагаемом родстве палеоазиатских языков с другими языковыми группами (уральской, тунгусо-маньчжурской, тибетской). В отличие от ряда западных лингвистов (И. Анкерия, К. Боуда и др.) составители «Указателя» полагают, что наличие некоторых общих элементов в языках этих групп еще не дает основания говорить о генетической общности всех их (Приложение, стр. 218).

Советские лингвисты также считают, что генетические связи языков могут быть выявлены не внешним сопоставлением отдельных общих языковых элементов (иногда заимствованных и даже случайно совпадающих), а лишь путем глубокого сравнительно-исторического анализа интересующих языков в целом. В этом деле, как и в решении всей палеоазиатской проблемы, помощь исследователям, несомненно, окажет рецензируемый библиографический указатель.

П. Я. Скорик

¹ Jean Deny. L'arméno-coman et les «Ephémérides» de Kamientles (1604—1613). — Wiesbaden, 1957. 96 стр. (Ural-altaische Bibliothek, IV).

Новая книга известного французского тюрколога Ж. Дени представляет собой результат многолетнего плодотворного изучения куманской подгруппы кыпчакской группы тюркских языков по документам, принадлежащим Каменец-Подольской колонии тюркоязычных армян и хранящимся в Национальной библиотеке Франции в Париже⁴.

¹ См. об этом F. Boas, *Ethnological problems in Canada*, «The journal of the Royal anthropological institute of Great Britain and Ireland», vol. XL, 1910, July to December, стр. 529—539; W. H. Dall, *Alaska and its resources*, Boston, 1870, стр. 176—192; A. I. Hallowell, *Bear ceremonialism in the Northern hemisphere*, «American anthropologist», New series, vol. 28, № 1, 1926, стр. 160; W. Jochelson, *The ethnological problems of Bering sea*, «Natural history (the Journal of the American museum)», vol. XXVI, № 1, January-February, 1926, стр. 90—96.

² См. об этом, например, В. П. Богораз, *Древние переселения народов в северной Евразии и в Америке*, «Сборник Музея антропологии и этнографии [АН СССР]», VI, 1927, стр. 37—63.

³ Особый интерес по этому вопросу представляет мнение, высказанное на недавно проходившем совещании американских археологов, в котором принял участие советский ученый Г. Ф. Дебен.

⁴ Основной архив этой колонии в количестве 32 книг, содержащих записи юридических актов, в свое время был перевезен из Каменец-Подольска в Киев и хранился в Архиве древних актов в помещении университета. Во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. архив погиб при пожаре в здании университета. В нашем распоряжении имеются транскрипции около трехсот документов, четыре из которых опубликованы (см. Т. И. Грунин, *Памятники половецкого языка XVI в.*, сб. «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятипятилетию», М., 1953).